

— Для меня сегодня существуют два наиболее важных вопроса. Это социальная справедливость и участие народа в управлении страной. В этом вижу главные идеи перестройки и, скажу шире, социализма. Вернуть фактическую власть народу. Без этого ничего не сдвинется, и наши разговоры о демократии так и останутся просто словами. Мы говорим, командно-административная система породила застой. Застой привел страну на грань экономического кризиса. Я не занимаюсь экономикой, моя область — культура. И то, что другие называют застоєм, я называю вырождением.

Как мы жили, что проповедовали! Не было страны демократичнее, гуманнее, прогрессивнее. Мы без устали выступали против эксплуатации человека в каких-то далеких странах, смаковали подробности этой эксплуатации. А что творилось тем временем внутри страны? Ужаснейшая, тяжелейшая эксплуатация народа. Рабочая сила ничего не стоила, личность ничего не стоила, рабское равнодушие стало нормой. Как можно после этого удивляться, что люди не хотят работать, разучились добросовестно трудиться! Ведь в этом проявилась неосознанная, но органичная реакция на ту политическую демагогию, которой нас кормили вместо соответствующей оплаты.

Разве можно после этого еще спорить — нужна или не нужна перестройка, каковы границы гласности, совместимы ли социализм и демократия. Я перечитываю опубликованные Тезисы Центрального Комитета партии к XIX Всесоюзной партийной конференции и вижу в них подтверждение своим мыслям. Я вижу, путь, на который мы встали, — необратим.

Вернуть власть народу, вернуться к демократическому социализму. Что сегодня целесообразнее и нужнее для культуры, искусства? Мы только привыкаем жить естественной жизнью, привыкаем сами решать свои проблемы. Это начало. Вперед неслыханный край проблем. За что ни возьмись, все требует немедленной революционной ломки, радикальных, крупных перемен. Но сложнее всего изменить мышление — мышление пассивного индивидна, ни во что не вмещающегося обывателя от искусства. Такая задача стоит перед творческими союзами.

И сами союзы должны быть иными, более живыми, демократичными, расstroженными. Им до всего должно быть дело. Например, такой вопрос — из каких средств финансируется культура? Мы вправе знать, как расходуются наши деньги. Потому что мы можем быть не согласны с тем, как они расходуются. Культура финансируется из фондов общественного потребления, прекрасно. А что произошло с этими общественными, подчеркиваю, общественными фондами? То же, что и со всем остальным. Государственные органы управления узурпировали эти деньги, называли их государственными средствами и забрали себе право расходовать их по своему усмотрению. Конечно, что настало время, когда эти средства необходимо изъять из государственного обращения, передать их общественным организациям или хотя бы немедленно поставить их расход под строжайший общественный контроль. И это лишь один из многочисленных кричащих вывертов административной системы.

Меня без конца спрашивают, как проходит перестройка в театре. Хотите, отвечу честно? Не знаю. Не знаю, зачем нужна театру перестройка, когда нужно лишь возвращение, возвращение в лоно единственно возможного и естественного состояния творчества.

Вот идет эксперимент. Только это не театра эксперимент. Нет. Это эксперимент тех самых властей предркащих. Это они, руководители культуры, экспериментируют: что, мол, будет, если дать некую свободу, немножко вернуть театр в его естественное состояние. Понимаете, такой вот интересный эксперимент: что будет, если нас выпустить из клетки, в которой мы прожили всю жизнь, погулять в лес. Да ничего, товарищи дорогие, сверхъестественного не будет. Не волнуйтесь. Жить театр будет нормально, как ему полагается. Хотя некоторые так привыкли к своим клеткам, что их оттуда уже и не выгонишь. Им в «лесу» страшно, там съесть могут. Там сразу видно, кто что из себя представляет.

Это наша трагедия. Я говорю не только о театре. Это проблема проблем перестройки — люди отыски естествен но и нормально работать. Отыски делать дело, а не привычно барахтаться в тумане отработанных идей, затертых слов и набивших оскомину цитат.

— И все же. Пока театру нечем ответить на упрек, что он отстал, что в его недрах не создано новых художественных постановок, созвучных перестройке.

— Да, критика голову скоро сломает над этим вопросом. Как же так, дескать! И эксперимент, понимаете, вам, и студии, и гласность, и Союз театральных деятелей. А где же, мол, творческие успехи-то в связи с гласностью?

Я отвечаю на этот вопрос. Дело в том, уважаемые сторонники злободневных откликов, что в период зстоя театры, и Художественный в том числе, ставили, возможно, спектакли, не бог весть насколько раскрывающие психологию образов, проникающие в глубины жизни. Но театры, лучшие театры, ставили спектакли, заостренные проблематикой того дня. Да, театр оставался, пожалуй, единственным творческим учреждением, которое именно в годы зстоя вело честный диалог со зрителем и подготавливало то общественное осознание происходящих перемен, которое сегодня стало нормой. С трудом, хитря вместе с драматургами, идя на компромиссы, но все равно выходя на проблемы, которые лишь сегодня стали обсуждать осмелевшие журналисты. Я не беру любой театр, но наш Художественный всеми пьесами Гельмана, Шatroва, Рошина, Мишарина ставил эти проблемы, несмотря на запреты.

Театр выполнил эту роль. Роль, которую в нормальном обществе должны выполнять публицисты, критики, обществоведы. Ну, а что, спрашивается, делать театру сегодня? Когда

эта самая публицистика занималась своими прямыми обязанностями? Не соревноваться же, скажем, с «Огоньком» и «Московскими новостями»? А критики, исходя из прежнего мышления, ждут прежней реакции. Пора четко сказать: сегодня театр, не теряя живой связи с жизнью, должен осмыслять ее более глубоко, но, через психологию человека, современника, через его состояние, наконец, через общее движение истории. И осуществляться все это должно **через актера**. Да-да, того самого, о котором мы, спеша за острыми фразами, подчас забывали. Но лишь актер способен проникнуть в жизнь духа человеческого. А вот это непросто. Очень непросто.

Хочу заступиться и за драматургов. «Что они замолчали?» Да как же им не молчать! Я прекрасно понимаю Александра Гельмана, два года обещающего положить мне на стол новую пьесу. Он получил возможность с трибуны непосредственно выступить перед людьми, а пьесу хочет написать не торопясь, глубоко, ис

Олег Ефремов

ВОЗВРАЩЕНИЕ!

следующую душу человека. Другое дело с Михаилом Шatroвым. Меня спрашивают, что ж вы не ставите «Дальше... дальше... дальше!». Я скажу: опубликование шatroвской пьесы в «Знамени» — это крупнейший публицистический и общественно-политический акт. Она всколыхнула интерес к истории партии, к революции, родила яростные споры. Но для театра сегодня этого мало. И если бы Шatroв продолжил работу над пьесой вместе с театром, то мы поставили бы этот спектакль.

Вы посмотрите, как все быстро сейчас меняется, как стремительно «летит» проблематика. Писатели не хотят выдавать произведения-однодневки, скороспелые отклики. Но я не сомневаюсь, что скоро на сцену выйдут произведения глубокие, художественные, яркие, осмысляющие жизнь нашу и судьбу нашу.

— **Но общество настолько политизировано, что может не понять вас?**

— Напротив. Уверен, что именно сегодня и возросла потребность в истинно художественном осмыслении. Ну что же в самом деле, мы все будем топтаться на одном пятачке-то: и газеты с журналами, и кино с телевидением, и еще театр туда же. Это же надо понять. В этом деле нам должна помочь критика. И, конечно, в духе времени она должна быть за разнообразие направлений, за своеобразный «театральный плюрализм». Что же делать, если некоторым критикам не по душе реализм на сцене, жизненность. Сам я за реализм, за самое трудное, требующее не только фантазии и воображения, и постижения, открытия жизни. Искусство сегодня только перестраивается, набирает силу. Ему нужно время. И критики должны быть внутри этого процесса, должны участвовать в нем. Я, конечно, люблю, когда критика хвалит театр, актеров. Но хвалить надо так, чтобы верили. Надо писать, помня, что пресса не поле для битв группировок. Из нее надо исключить истерический бег за модой, самолюбивое утверждение моды. Зрители (не элита, которая ведет себя так же, как некоторые критики), деятели театра тоже понимают, что хорошо и что плохо. Именно критика призвана объяснять, направлять зрителя. Она обязана чувствовать, что — искусство подлинное, а что — эрзац. А сейчас чем она занимается? Да просто сбивает зрителя с толку. Возьмем статьи о нашумевшем «Собачем сердце» в Московском тюз. Уважаемые мною критики называют артистов, занятых в спектакле, чуть ли не великими. Разве так можно? И хотя я понимаю, что всем хочется поддержать появление на сцене М. Булгакова, тем более в Театре юного зрителя, но, товарищи, должна же быть какая-то ответственность, не надо дезориентировать публику, не надо искать побед там, где их нет. Это служит плохую службу и самим актерам, потому что размывает критерии настоящей актерской игры.

Или, например, Школа драматического искусства А. Васильева. Кто-то говорит, что это вершина актерского мастерства. Но если вершина, то, значит, тупик, дальше пути нет. Но ведь это не так. Хотя, безусловно, эта школа замечательна.

Или Театр на Таганке. Изменилось время, изменилось общество, и зритель изменился. Не знаю, надо ли восстанавливать спектакли двадцатилетней давности, безусловно, бывшие тогда общественным явлением, но я жду, чтобы театр вышел на новую, качественно иную ступень творчества. На протяжении всей истории Таганки я поддерживал театр, все их спектакли, они были близки мне своей идеологией, своей политической платформой. И, естественно, в тот момент критические нападки на их искусство были бы просто вредны. Но сейчас то зачем критике слепо обожествлять направление, отдаваяющего актера, образ, психологию на второй план?

— **Тогда возникает другой вопрос. Не вступит ли в противоречие творческие задачи глубинного свойства с теми неотложными обязательными задачами расчищения накопившихся завалов внутри самого театра? Служенье муз все-таки не терпит суеты...**

— Но служенье муз немислямо в тех старых, отживших свой век рамках, по которым мы еще живем. Что тут скажешь... Расчищать завалы надо безотлагательно. Мы и так упустили время. Кончились, правда, споры о том, что такое демократия в театре и как ее связать с творчеством. Наголосовались предостаточно, а результат — ясно, что без лидера, без идеолога, короче говоря, без художественного руководителя не обойтись. И его руководство мо-

жет осуществляться как на основе коллегиального совета (в театрах, где само искусство проповедуется ансамблевое), так и на основе полного и бесспорного единоначалия. Да-да, я слабо себе представляю выборы художественным советом В. Мейерхольда. Актеры выполняли его волю, обслуживали его гениальные построения, но не больше.

Но можно ли утвердительно ответить, что жизнь самого театра демократизировалась? **Пока нет.**

Сегодня, как никогда, неприемлемы академические звания театров. Объясните, что это такое? Давайте вспомним, во что вылилось присвоение этих званий крупнейшим и прославленным коллективам. По сути это была общая сталинская линия централизации всего искусства. Был создан единый Союз писателей вместо многочисленных литературных группировок и направлений. Разгромлены художественные школы в живописи, литературоведении, прекращены дискуссии по любым вопросам

развития культуры. Закрепился однообразный парадный стиль в кино. Искусство переставало быть искусством и становилось винтиком бюрократической машины. Им стали управлять свои генералы и маршалы.

Мы встретились с Олегом Николаевичем Ефремовым в его рабочем мхатовском кабинете в проезде Художественного театра. Встретились задолго до начала вечернего спектакля, а разошлись вместе с покидавшими театр возбужденными зрителями. «Какой был спектакль!» — спросил я. «Так победим!» — ответил Ефремов.

резервный фонд содержания актеров на время простоя. Будет предоставлена возможность переквалифицироваться.

Это и студии. И закон об авторском праве, и многое, многое другое. Результат не замедлит сказаться — повысится авторитет театра, коренным образом изменится его культурный и экономический статус.

Возьмем, к примеру, студии. С ними я связываю надежды на возрождение. Любительские, кооперативные, хозрасчетные, да какие угодно. Они могут существовать в разнообразнейших формах, должны использоваться любые возможности привлечения молодежи. И не надо страшиться неудач и ошибок. Не надо пугаться коммерциализации рынка. Рынок, между прочим,— это замечательно. Потому что, если в театры не ходят, если в них скудно, театр не имеет права существовать. И не думайте, раз коммерциализация, то непременно бульварщина, непременно в третьем акте актриса раздевается. В конце концов есть общественное мнение, есть критика, пусть они открыто говорят — это театр дешевый, бесстыдный. Или наоборот, этот очень интересный, но сложный, над его спектаклями необходимо размышлять.

А вообще возможность широчайшего студийного движения я приравниваю по значению к моменту гласности. Свобода высказываться, обмениваться мнениями, дискутировать, общаться — так, наверное, и должен жить театр, жить люди, все общество.

И если мне сейчас говорят, что, дескать, ничего интересного в этих студиях нет, я отвечу: ну и что? Нет сегодня, так будет завтра. Обязательно будет. Не надо только торопить, понаукать, прежде времени хвататься за голову. И главное, не ограничивать, не запрещать. А такие настроения есть, не всем по душе инициатива снизу. Властью у людей, реальной властью, пока еще нет. Для того, чтобы открыть малосенький театрик, нужно решение едва ли не Совета Министров. Не отжила ли свой век эта монополия?

— **Новые театры открываются, а старые пугают...**

— Пугают, верно. И будут пуговать, если не придет настоящая ответственность за них. Если города не возьмут эту ответственность целиком на себя.

Пусть выскажутся горожане, зрители. Решат, нужен ли им вообще в их городе театр. Если нет, живите без театра, но если ну-

вится понятно. Почему у писателей нет никаких званий, а есть только книги? Отменить звания — насколько очистится атмосфера. Ведь это позор, как борются за них, какими путями выбивают, как заискивают перед начальством, угодничают. Какие расцветают конформизм и конъюнктура. И лезут, кто понахальнее, кто со связями. Чиновничий подход к искусству развращает художника, заставляет его забыть о своем назначении. Но зато администрация приобретает дополнительную власть—еще бы, они же могут жаловать. Как я буду браться за спорную пьесу, если решает-ся мой вопрос?

Я против уравниловки. Я за дифференциацию, но естественную, а не придуманную. И опять вопрос упирается в блага, в престижность. В мягкие вагоны, в отдельные номера, в персональные пенсии. Как будто нельзя эти вопросы решить справедливо без званий. Или представьте, вот к высокому начальству пришел простой актер. И пришел народный. Есть разница? Только почему-то когда великого Скофилда английская королева хотела сделать сэром, он отказался. Сказал, что он Артист и ему этого достаточно. Не знаю, может, и он «сдался» за это время?

Да, Артист — особый человек, особая порода. Он обязан быть только талантливым, в противном случае это дилетант. Вот таким званием, званием артиста, и надо гордиться!

— **Что же получится — заслуженный строи-**

тель есть, заслуженный учитель тоже, а заслуженного артиста не будет?

— Вот-вот. Вся беда театра, что на него автоматически пытаются перенести все принципы административно-бюрократической системы. Государство все время хочет указать место каждого человека. Но для художника подобный подход оскорбителен. А жив был бы Иосиф Виссарионович! Нас всех просто одели бы в форму. Дипломатов успели одеть, горняков, связистов, железнодорожников, даже школьников. Понимаете, все в мундирах, а на мундирах знаки отличия. Можно так понимать социализм, но можно и по-другому. Можно идеал видеть в казарменном порядке, а можно — в демократическом развитии общества, в высвобождении творческой энергии людей, в доверии к своим гражданам. Если мы первые начнем этот процесс, так сказать, «демунидизации», уверен, нас поймут, поддержат в народе. Потому что это способствует общему возвращению к нормальному, естественному, одухотворенному труду. И на этом пути каждый шаг, каждый шагочек — на благо. Мы только начали расчистку, но уже сегодня видны скорые перспективы.

Это переход на обязательную договорную систему. Его непременно надо осуществить, чтобы в театре снова забила живая, горячая кровь, чтобы на сцене остались лишь те, кто владеет своей профессией, кто достоин сцены. И пусть люди не боятся этого перехода — мы обеспечим все гарантии творческим работникам, и экономические, и социальные. Пенсии будут приравнены к последней зарплате, создается

жен, то уж извольте. Хватит управлениям культуры смотреть на театры, как на обузу. Провинциальный театр — это вам не прокатная площадка. Это культурный центр! Вспомним, чем являлся для общества русский театр — вторым университетом. К нему всегда тянулись писатели и врачи, художники и учителя. Вокруг него группировалась прогрессивная свободомыслящая интеллигенция. И сегодня эта интеллигенция не может мириться с пресловутой концепцией культурного руководства из центра. Власть пора взять в свои руки, в руки местных Советов и общественных организаций. Городу надо предоставить право самому открывать те театры, которые ему нужны. Пусть приглашают талантливых актеров, ищут лидеров.

— **Так ведь не поедут хорошие актеры.**

— Что значит не поедут! Если создать условия, предоставить жилье, дать возможность заниматься интересным творчеством — поедут. Сейчас актеры на периферии находятся в худших, в несравнимых условиях, чем их столичные коллеги. Это безобразно! В провинции работать тяжелее. Зрительский спрос меньше, приходится чаще ставить спектакли, чаще мотаться на выездах, категории предусматривают мизерную зарплату, с жильем скверно. Отжившую систему надо ломать. Существующие тарифы заработной платы устарели, города должны иметь право выделять в своих бюджетах средства для добавочного финансирования, актерам нужно платить надбавки, и значительные. Пусть существуют четкие источники финансирования — город из своего бюджета, зритель из своего кармана и обязательно творческий союз. Он же помогает театру по художественной линии, поддерживает его в конфликтах с властями. Кроме того, театры могут найти общественных меценатов из числа богатых предприятий. Но если наступает момент, когда все источники не могут больше поддерживать театр, он должен закрыться.

— **Мы говорим об инициативе снизу, о передаче власти в руки местных Советов и общественных организаций. И тут возникает следующий вопрос. А какие функции в этом случае будет выполнять Министерство культуры? Каким вы видите его деятельность?**

— Мы как бы решили, что все наши беды от бюрократов. Упраздни министерства, ведомства, и сразу не будет проблем. Так рассуждать наивно. Не бюрократия виновата, мы сами виноваты, что позволили в свое время сосредоточить власть в узких кругах партийной и государственной верхушки. В конце концов без бюрократии, без управленческого аппарата тоже нельзя. Но этот аппарат должен обслуживать власть народа, а не подменять ее. К управлению сегодня должны прийти новые люди — совестливые, талантливые, патриоты своей страны. Они должны работать творчески, для пользы дела, а не из страха ошибиться в понимании высочайших установок. Ох уж этот страх. Ох уж это излучение сверху — только бы не ошибиться, не оказаться вне генеральной линии. Работники министерств обязаны выработать собственную позицию, вытекающую из интересов народа. Но с позиций пока что туга. Да и вообще, подрастерялись чиновники после январского Пленума, потеряли ориентацию. В Министерстве культуры одни и те же руководители в течение полугода говорили прямо противоположные вещи. Уж и не знаю, кто новатор, кто консерватор.

Теперь о самом Министерстве культуры. В-первых, мы должны трезво оценивать имеющуюся ситуацию. По-прежнему большинство наших руководителей культуры считает, что главной их функцией является контроль за идейно-художественным уровнем репертуара, а их мнение самое компетентное вне зависимости от публики и самих деятелей театра. Это надо держать в уме. Второе. Министерство перестраивается. Такой факт нельзя отрицать. Это доказывают совместные заседания его коллегии и секретариата правления союза. Перестройка пока проходит трудно, медленно, но, надеюсь, необратимо.

Вы спрашиваете, какими вопросами должно заниматься министерство? Конечно, им вовсе не обязательно смотреть спектакли, заказывать пьесы и так далее. В этом можно и самим разобраться. Но пусть оно решает вопросы национального значения. Пусть будет застрельщиком в деле спасения нашей культуры. Тут без их централизованной власти не справиться.

Очень скучно звучит словосочетание «материально-техническая база культуры». Но за этими словами встают и разваливающиеся здания Библиотеки имени В. И. Ленина, и гибнущие шедевры Третьяковской галереи, и исчезновение с лица города исторических памятников и старинных архитектурных сооружений. Это Исторический музей, Большой театр, филлиал МХАТа, Малый, церкви и храмы, тысячи районных библиотек с дырявыми потолками, неоталливаемые нищие музеи, холодные гримуборные. Это отсутствие элементарной современной музыкальной, театральной, видеоаппаратуры, это серые улицы, одинаковые дома, это... и так далее, и так далее.

Вот куда направить бы всю энергию, где развернуться! Не хватает денег — требуйте у правительства, просите у народа. Помогут, на такое дело обязательно помогут. Довольно остаточного принципа, не остаточный, а первейший! Сегодня и в Центральном Комитете партии многим ясно: без развития культуры ничего у нас не выйдет. Никуда мы не продвинемся и никакую перестройку не осуществим.

В Тезисах ЦК КПСС есть слова: «С особой силой встал вопрос об ответственности художников за судьбу страны». Что ж. Это ли не руководство к нашим общим действиям, не ответ сомневающимся. Линия намечена, пора действовать. Пора возвращаться к естественной, здоровой, творческой жизни. К подлинному социализму. Такому, о котором, наверное, и мечтал Владимир Ильич. И я уверен — **ТАК ПОБЕДИМ!**

Беседу вел
Ал. ГРИНЕВИЧ.